

Литературный факт.
2021. № 3 (21)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (21), 2021

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-246-260>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Тип беспокойного человека в русской литературе

© 2021, С.А. Фомичев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу типа персонажей русской классической литературы, для обозначения которого автор предлагает определение «беспокойный человек» (по аналогии с «лишним» и «маленьким человеком»). По наблюдениям автора статьи, «прозвище беспокойного человека» впервые было формульно применено к герою одной из повестей В.И. Даля (1842). Подобный тип (тип Дон Кихота), ярко проявившийся в образе Чацкого из «Горя от ума» А.С. Грибоедова, стал довольно распространенным в прозе и драматургии XIX в. В статье рассматриваются черты, свойственные данному типу литературных персонажей, у героев А.Н. Островского, Н.С. Лескова и др., анализируется восприятие этого типа в русской критике, рефлексия его писателями, И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, Максимом Горьким.

Ключевые слова: беспокойный человек, русская литература XIX–XX вв., типы литературных героев, Чацкий, Дон Кихот, В. Даль, «Горе от ума».

Информация об авторе: Сергей Александрович Фомичев — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-5612>. E-mail: safomichev@mail.ru

Для цитирования: Фомичев С.А. Тип беспокойного человека в русской литературе // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 246–260. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-246-260>

В историко-литературной науке и критике обычно принято прослеживать бытование лишнего человека и маленького человека в русской литературе XIX в. Но столь же заметным типом в российской жизни, а вслед за ней и в литературе, стал — вплоть до нынешних времен — *человек беспокойный*. Тем более что и лишний человек, и маленький человек нередко были не чужды беспокойства.

«В образах, созданных самим Пушкиным, — заметил Н.А. Добролюбов, — действительно, можно видеть некоторые затаенные мысли, очень гармонирующие с его настроением вечного, неудовлетворяемого беспокойства. Его Онегин не просто светский фат; это человек с большими силами, человек, понимающий пустоту той жизни, к которой призван он судьбою, но не имеющий довольно силы характера, чтобы из нее выбраться. Его Алеко — тоже своего рода Онегин, бежавший от света к цыганам с тем же похвальным намерением, с каким крыловский волк бежал в Аркадию...»¹. Гоголь в образе маленького человека фактически обозначил потрясение властного, бюрократического статуса — самозабвенного чиновничьего служения. Мечта о новой шинели рождает неожиданное беспокойство в душе Акакия Акакиевича Башмачкина, чреватое, в конечном счете, непоправимым крахом и бунтом.

Впервые же тип беспокойного человека был прямо назван лишь в повести В.И. Даля² «Вахх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном житье-бытье за первую половину жизни своей» (1842), где герой признавался:

Всякая несправедливость казалась мне дневным разбоем, и я выступал против нее с такою же решимостью и отчаяньем, как противу человека, который бы душил подле вас кого-нибудь, ухватив его за горло: где кричат караул, туда я бросался со всех ног. Но я большею частью оставался в дураках, заслужил только прозвище беспокойного человека, а горю помогал очень редко. В Алтынове требовали, чтобы вы проходили спокойно своим путем и не мешались не в свое дело, то есть не заботились бы о том, если подле вас режут другого, а только оберегали бы свой кадык и свою голову. Управа наша, при каждом удобном случае, ожидала от меня свой

¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. М.: ГИХЛ, 1950. Т. 1. С. 111.

² Даль и сам по натуре был *беспокойным* человеком. Закончив служебную карьеру в чине действительного статского советника и кавалером многих орденов, он, однако, как писатель неоднократно попадал под служебные нахлобучки.

обычный азиатский пишкеш³, ожидала и со дня на день становилась нетерпеливее, и, как видно было по всем приемам ее, искала случая показать мне, что долготерпение ее истощилось.

Я был в самом плохом расположении духа и раскаивался уже почти в избранном мною звании; я мечтал принести столько пользы человечеству, а вместо этого сидел теперь над срочными донесениями всех родов, и сводил всеми неправдами концы, отписывался и огрызался, как мог, на придирки, замечания и выговоры — на важные донесения свои по разным предметам, требующим немедленных и самых деятельных мер, не получал вовсе ответов, а по пустым, которые не стоили и полулиста бумаги, заводились огромные дела и нескончаемая переписка⁴.

Возможно, Даль вспоминал здесь о грибоедовском герое⁵, фактически открывшем в русской литературе галерею беспокойных людей, — ср. характеристику его антипода:

С о ф и я

Чудеснейшего свойства

Он, наконец: уступчив, скромн, тих,

В лице ни тени беспокойства

И на душе проступков никаких;

Чужих и вкривь и вкось не рубит, —

Вот я за что его люблю.

Ч а ц к и й (*в сторону*)

Шалит, она его не любит⁶.

В заключительных главах повести «Вакх Сидоров Чайкин» повествовалось о нелепом устройстве различных крестьянских дел: при расследовании обнаруженного мертвого тела, при прививке от оспы, при межевании земель, при приемке рекрут, при требовании крестьянами замены барщины оброком. Счастливым же избавлением героя от тягот казенной службы оказалась дружба с благодетелем: с уездным стряпчим Негуровым, который был назначен просвещен-

³ «**ПЕ(И)ШКЕШ** *орн. астрх.* гостинец, подарок, подачка, поклон, взятка, поборы» (*Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Издатель М.О. Вольф, 1882. Т. 3. С. 109).

⁴ *Даль В.И.* Полн. собр. соч.: в 8 т. СПб.: Издатель М.О. Вольф, 1861. Т. 5. С. 161.

⁵ Не потому ли возникло созвучие в фамилиях героев: Чайкин — Чацкий?

⁶ *Грибоедов А.С.* Полн. собр. соч. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1. С. 65–66.

ным петербургским вельможей управителем его провинциальных имений. Негуров со товарищи, в частности, основал для крестьян больницу, отдав ее под начало Вакху Чайкину. На вершине своей жизни Вакх Сидоров женился на свояченице благодетеля-полковника, Грушеньке, и встретился с отцом, которого всегда считал погибшим. Тут уже ощущался явный перебор — недаром Тургенев усматривал в произведении черты «булгарщины». Однако и длинноты, и «благонамеренность» далевского произведения были особого свойства. В. Порудоминский уместно по этому поводу вспоминает тургеневскую оценку творческой манеры Даля: «Он, как говорится, смотрит невиннейшим человеком и добродушным сочинителем в мире, вдруг вы чувствуете, что вас поймали за хохол, когти запустили острые... и вы оглядываетесь — автор стоит перед вами как ни в чем не бывало... “Я, — говорит он, — сторона, а вы как поживаете?”» [6, с. 166].

В.И. Даль оценивается обычно как писатель «второго ряда»⁷. Повести его просты по фабуле и, как правило, имеют счастливый финал. Но сюжетно они перегружены попутными очерками, в которых этнограф как бы боролся с беллетристом. И часто именно в этих «отступлениях» впервые были запечатлены целые пласты отечественной действительности.

Пытливое внимание Даля к глубинным проблемам российской жизни объясняет одну из разительных черт его художественного наследия, где таилось немало типов и коллизий, которые впоследствии легли в основу художественных полотен классической русской литературы. Так, город Малинов в повести «Бедовик» воплотил в себе замшелые провинциальные нравы. Именно в таком качестве его воспринял А.И. Герцен, в литературном дебюте которого («Записки молодого человека», 1840–1841) была помещена специальная часть под названием «Патриархальные нравы города Малинова». Традиционно принято считать, что Герцен выступает здесь как писатель гоголевского направления. Однако одним из зачинателей того направления в русской литературе, которое получило впоследствии название гоголевского, был именно Даль (см.: [8, с. 201–202]). «Этого писателя я уважаю потому, — признавался Гоголь, — что от него всегда заберешь какие-нибудь сведения положительные о разных проделках в России»⁸.

⁷ Даль и сам признавался, что не ценит «высоко сочинений своих, по художественному их достоинству, но полагает, что они могут быть полезны, по направленности своему и по языку, особенно позднейшие» (Даль В.И. Полн. собр. соч.: в 8 т. Т. 2. С. 1).

⁸ Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 13. С. 211.

Внимательными читателями литературного наследия Даля оставались многие русские писатели, развившие намеченные им коллизии национального бытия. За год до смерти Даль опубликовал в журнале «Русская старина» несколько преданий о Павле I⁹, одно из которых развито в повести Ю.Н. Тынянова «Поручик Киже», где стремительно возрастающий чин начисто заменил живого человека. А позже сходный сюжет предельно трагически был развит в колымском рассказе Варлама Шаламова «Берды Онже». Повесть же Даля «Серенькая» откликнулась в «Фальшивом купоне» Л.Н. Толстого. Столь же продуктивным стала разработка Далем типа беспокойного человека.

Неоднозначность понятия «беспокойный» была отмечена еще в «Словаре Академии Российской». Ср.:

- 1) Причиняющий некоторую досаду, неудовольствие.
- 2) Находящийся в смущении, в беспокойствии, в некотором волнении духа от страха, от нерешимости или неизвестности. *Он взирает на сие с беспокойным духом.*
- 3) Рождающий беспокойство, волнение в душе чьей; тревожащий.
- 4) Сварливый, вздорливый, неугомонный, мятежливый. *У него самого беспокойный нрав, с ним трудно ужиться. Заводчики сей крамолы суть некоторые беспокойные головы, беспокойные люди*¹⁰.

Нетрудно заметить здесь отрицательные коннотации данного понятия, принципиально иначе истолкованного самим Далем:

беспокойный человек, неуживчивый, недовольный. **Беспокойный**, кто или что лишает покоя, тревожит, вещественно или нравственно, или кто сам себя тревожит.

Беспокойная жизнь, беспокойная дорога, езда. Беспокойный человек. Последнее означает также человека правдивого, но резкого, идущего наперекор неправде и беспокоящего ее покровителей¹¹.

А.Н. Островский обнаружил подобный тип в среде разночинцев. Свои убеждения герою пьесы «Доходное место» (1856) приходится защищать честной жизнью труженика, заполненной повседневными

⁹ Русская старина. 1870. Т. II. № 9. С. 294–296.

¹⁰ Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. IV. С. 951.

¹¹ Даль В. Словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. С. 70.

заботами о хлебе насущном. Но есть в Жадове и неуживчивость, причину которой Вышневецкая объясняет его «нетерпимостью»:

— Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

— Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость — недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на всех Юсовых, Белогубовых, на все мерзости, которые постоянно вокруг тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока...¹²

Гораздо более ярким обличителем и спорщиком представлен внесценический персонаж Любимов, о котором Вышневецкая ностальгически вспоминает:

В то время я встретила в обществе Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его светлые глаза, как умен и как чист был он сам! Как горячо он спорил с вами, как смело говорил про всякую ложь и неправду! <...> Я видела потом, как вы губили его, как мало-помалу достигали своей цели. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили против него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодых людей, потом твердили постоянно, что он вольнодумец и вредный человек, и восстали против него его начальство; он принужден был оставить службу, родных, знакомства, уехать отсюда...¹³

А. Григорьев замечал: «Тень Чацкого (это одно из высоких вдохновений Островского) проходит перед нами в воспоминаниях Вышневецкой о Любимове, и жалко перед этой тенью ее обмелевшее отражение — Жадов»¹⁴. Такое противопоставление едва ли справедливо. Ведь Любимова — в отличие от Жадова — мы видим не непосредственно, а глазами влюбленного в него человека. Для Вышневецкого же Любимов — все тот же Жадов, непрактичный, а потому никчемный чиновник; соперничество с ним не может не унижать Вышневецкого в собственном представлении. Жадов же не преувеличивает своих сил. «Что с мельницами-то сражаться», — восклицает он в трудную минуту. Но, пережив невольную слабость, он находит в себе силы восстать: «Уж теперь я не изменю себе. Если

¹² *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973. Т. 2. С. 95.

¹³ Там же. С. 106–107.

¹⁴ *Время.* 1862. № 8. С. 50.

судьба приведет есть один черный хлеб — буду есть один черный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений...»¹⁵.

Система действующих лиц «Доходного места» аналогична той, которую мы находим в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, что было тотчас же замечено современниками и неоднократно останавливало внимание исследователей творчества Островского [1, с. 44–45; 3, с. 171–173; 4, с. 72–74]¹⁶. Но в каждом случае такого уподобления содержались оговорки (более или менее резкие) о противоположности бескомпромиссного Чацкого и сломленного обстоятельствами жизни Жадова. Не принять этих утверждений нельзя, однако необходимо объяснить причину такого противопоставления.

В сюжете и проблематике «Горя от ума» ощущается та незавершенность, которую позже Э.-М. Вогюэ объявит характернейшей приметой русского романа, что, кстати говоря, обуславливает особую форму освоения традиций классических произведений русской литературы — в виде возвращения новых поколений художников к одним и тем же «проклятым вопросам», решение которых исторически затянулось. Так и с Грибоедовым: почти каждая новая эпоха находила свое «горе от ума». Были времена непонимания Грибоедова, даже неприятия.

Таким неприятием, как известно, был вдохновлен разбор комедии Белинским в период так называемого его «примирения с действительностью». Отсюда, в конечном счете, — его резкая и несправедливая оценка Чацкого («Это новый Дон-Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади»¹⁷), повлиявшая на критический разбор всей комедии. И вслед за Белинским в последующей критике утвердилось подчеркивание якобы иронической трактовки Чацкого в пьесе, что, несомненно, не отражало авторского замысла.

Философская мысль комедии концентрируется в ее заглавии: «Горе от ума» (первоначально «Горе уму») — в ней отражено противоречие, обнаруженное эпохой кризиса просветительских идей. Для просветительской философии понятия «ум» и «счастье» синонимичны, ибо — согласно этому учению — овладение истиной

¹⁵ *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. С. 109.

¹⁶ Кроме цитированной статьи А.А. Григорьева «По поводу нового издания старой вещи» (Время. 1862. № 8), см. также: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 60. С. 56.

¹⁷ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 3. С. 481.

и предопределяет счастье как отдельного человека, так и общества в целом: «Ум подготавливает счастье, которое добродетель завершает»¹⁸. «Умный человек,— замечал, однако, философ — часто слышит сумасшедшим у того, кто его слушает, ибо тот, кто слушает, имеет перед собою альтернативу считать или себя глупцом, или умного человека сумасшедшим,— гораздо проще решиться на последнее»¹⁹.

Наиболее проницательные мыслители начинали понимать, что силам разума действительно предстоят тяжелые испытания. «Доказать, — считал П.Я. Чаадаев, — что одни глупые могут быть счастливы, есть, кажется мне, прекрасное средство отвратить некоторых от пламенного искания счастья»²⁰. В чем-то этот парадокс близок к раздумьям Грибоедова, хотя он сумел удержаться на грани безудержного пессимизма.

Грибоедов оставлял своего героя на распутье, когда, оборвав все привычные человеческие связи, он собирается в путь. Куда? Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» утверждает: «Чацкий — это совершенно особый тип нашей русской Европы, это тип милый, восторженный, страдающий, всё зывающий и к России, и к почве, а между тем всё-таки уехавший опять в Европу, когда надо было сыскать, “Где оскорбленному есть чувству уголок”, — одним словом, тип, бесполезный теперь и бывший полезным когда-то»²¹.

Эта мысль была не чужда и Пушкину. В его «Путешествии из Москвы в Петербург» герой ронял такое замечание: «Горе от ума есть уже картина обветшавшая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, <...> Хлестова — в могиле; Репетиллов — в деревне. Бедная Москва!..»²²

Несомненно, здесь подразумевалась и невольная реакция читателя: а Чацкий ныне где? — не на сибирской ли каторге? Широкий спектр трактовок феномена Чацкого (см.: [7]) открывал возможность многообразного развития фигуры подобного героя. Разработка образов «будущих Чацких» предполагала формирование качественно новых типов, от героического — и вплоть до сатирического щедринского:

¹⁸ Гельвеций К.-А. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1974. Т. 2. С. 573.

¹⁹ Там же. С. 577.

²⁰ Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. М.: Путь, 1913. Т. I. С. 147.

²¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. С. 61–62.

²² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 12. С. 17.

В то время департамент «Государственных Умопомрачений» учрежден был, а Александр Андреич туда директором назначение получил <...> А этот департамент Александр Андреич даже сам для себя и проектировал. Ведь он, после того как из Москвы-то уехал — в историю попал, в ухах года с полтора высидел, а как выпустили его потом на все четыре стороны, он этот департамент и надумал. У нас, говорит, доселе по простоте просвещали: возьмут заведут школу, дадут в руки указку — и просвещают. Толку-то и мало выходит. А я, говорит, так надумал: просвещать посредством умопомрачений. Сперва помрачить, а потом просветить <...> настоящего-то успеху пожалуй что и не достиг. Последовательности в нем не было, строгости этой. То вдруг велит науки прекратить, а молодых людей исключительно с одними сонниками знакомить, а потом, смотришь, сонники в печку полетели, а науки опять в чести сделались. Все, знаете, старинное московское вольнодумство в нем отрыгалось. Ну, и вышло, что ни просветил, ни помрачил! <...> Всего годков с десять директором посидел. А под конец даже опустился совсем. «Противело!» — говорит. Придешь, это, бывало, с докладом, а он: «Ах, говорит, как все мне противно!» Или вдруг монолог: «Уйду, говорит, искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!» И что ж бы вы думали! — на одиннадцатом году подал-таки в отставку!²³

Тип же беспокойного человека обычно сопоставлялся с сервантесовским героем, как это было уже отмечено выше. И.С. Тургенев размышлял:

...что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, нелегко ему дающуюся, требующую служения и жертв, — но доступную постоянству служения и силе жертвы. Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле. Нам скажут, что идеал этот почерпнут расстроенным его воображением из фантастического мира рыцарских романов; согласны — и в этом-то состоит комическая сторона Дон-Кихота; но самый идеал остается во всей своей нетронутой чистоте. Жить для себя, заботиться о себе — Дон-Кихот

²³ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. М.: Худож. лит., 1971. Т. 12. С. 34–35 («Господа Молчалины», 1874).

почел бы постыдным. Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам — то есть притеснителям <...> Дон-Кихот может показаться то совершенным безумцем, потому что самая несомненная вещественность исчезает перед его глазами, тает, как воск от огня его энтузиазма <...> Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи и потому обвеян ее сиянием²⁴.

Именно в соотношении с Дон Кихотом трактует В.Е. Багно героя романа Лескова «Соборяне» Савелия Туберозова [2, с. 368–371]. Но с самого начала в Туберозове было отмечено высокое подвижническое начало, чуждое всякого намека на комическое:

Отец Туберозов высок ростом и тучен, но еще очень бодр и подвижен. В таком же состоянии и душевные его силы: при первом на него взгляде видно, что он сохранил весь пыл сердца и всю энергию молодости. Голова его отлично красива: ее даже позволительно считать образцом мужественной красоты <...> Глаза у него коричневые, большие, смелые и ясные. Они всю жизнь свою не теряли способности освещаться присутствием разума; в них же близкие люди видали и блеск радостного восторга, и туманы скорби, и слезы умиления; в них же сверкал порою и огонь негодования, и они бросали искры гнева — гнева не суетного, не сварливого, не мелкого, а гнева большого человека. В эти глаза глядела прямая и честная душа протопопа Савелия, которую он, в своем христианском уповании, верил быть бессмертною²⁵.

В тексте романа Савелий Туберозов лишь единожды, походя назван беспокойным человеком: «А отец Савелий беспокойный человек, — пошутил Туганов»²⁶. Но это определение недаром было замечено прижизненной критикой. Ср.: «Роман г. Лескова “Соборяне”, в котором автор взялся рассказать жизнь русского священника посреди разных жизненных напастей, между равнодушием общества, между поляками и нигилистами, окончен. Как ни симпатичен иногда поп Савелий, несмотря на его беспокойный характер, но автор потщился идеализировать его до приторности»²⁷. Этот «граж-

²⁴ Тургенев И.С. Собр. соч. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. Т. 10. С. 252.

²⁵ Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. С. 5–6.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ Биржевые ведомости. 1872. № 296, 31 октября.

данин в рясе» постоянно стремится утвердить христианскую любовь к страждущим, но в конфликте с мирскими и церковными властями терпит поражение и умирает, оставаясь «под подозрением». «Впрочем, смерть протоиерея Туберозова была большим событием и для всего города: не было ни одного дома, где бы ни молились за усопшего»²⁸.

Размышляя о своем герое, князе Мышкине, Ф.М. Достоевский замечал:

Чем сделать лицо героя симпатичным читателю?

Если Дон-Кихот и Пиквик как добродетельные лица симпатичны читателю и удались, так это тем, что они смешны.

Герой романа Князь если не смешон, то имеет другую симпатичную черту: он **невинен!**²⁹

Это авторское противопоставление и определение «невинен» все не исключало Мышкина из числа беспокойных героев, напротив того. «Чацкий, — считал философ В.Н. Ильин, — и есть один из славной и благородной плеяды “дон-кихотов” русской литературы, где на первом месте стоит их центральное солнце — князь Мышкин (в “Идиоте” Достоевского)» [5, с. 209]³⁰.

В соответствии с основной темой нашей статьи отметим лишь публицистическое вступление к третьей части романа «Идиот»:

Поминутно жалуются, что у нас нет людей практических; что политических людей, например, много; генералов тоже много; разных управляющих, сколько бы ни понадобилось, сейчас можно найти каких угодно — а практических людей нет. По крайней мере все жалуются, что нет <...> Изобретатели и гении почти всегда при начале своего поприща (а очень часто и в конце) считались в обществе не более как дураками, — это уж самое рутинное замечание, слишком всем известное <...> даже у наших нянек чин генерала считался за предел русского счастья и, стало быть, был самым популярным национальным идеалом спокойного, прекрасного блаженства. И в самом деле: посредственно выдержав экзамен и прослужив тридцать пять лет, — кто мог у нас не сделаться наконец генералом и не скопить известную сумму в ломбарде? Таким образом, русский человек, поч-

²⁸ Лесков Н.С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 4. С. 285.

²⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 9. С. 239.

³⁰ См. там же статью А.Л. Бема «Горе от ума» в творчестве Достоевского» [5, с. 137–163].

ти безо всяких усилий, достигал, наконец, звания человека дельного и практического. В сущности, не сделаться генералом мог у нас один только человек оригинальный, другими словами, беспокойный³¹.

Любопытно, что беспокойные люди попадались и в недрах властной системы, как это было замечено в «Истории моего современника» В.Г. Короленко:

Прокурор был человек, как уже сказано, «беспокойный». Он был из праведов и обладал наружностью, которая заставляла удивляться, как он пал в якутские Палестины. И, главное, не только попал, но и застрял здесь. Про него говорили, что он в чиновничьем мире держит себя высокомерно и беспокойно, как крупный шершень, попавший среди мух. Одно время предпочитал даже неблагонадежное общество политических. Вот этот беспокойный прокурор потребовал к себе секретаря и заставил его изложить все свои разоблачения письменно. Тот сгоряча согласился. Прокурор отправил «донос» в Иркутск, и судья впредь до разбирательства потерял место.

Чиновничья среда нашла, что это уже слишком. Когда к нам приезжали «заседатели» и мы иронически заговаривали с ними об этом, они (даже самый добродушный них, Слепцов) делали холодные лица и старались змять разговор. Мы видели, что прокурор восстановил против себя всю чиновничью среду³².

Короленковского прокурора вскоре «подставили» и уволили. Беспокойные люди всегда выламывались из своей среды, которая спешила их обозвать сумасшедшими, дураками, идиотами. Судьба их трагична, но их подвижничество стало бродилом светлого будущего — хотя и всегда для них недостижимого... Такой герой был ограничен для русской литературы, что не без иронии отметил Максим Горький в фельетоне «О беспокойной книге» (1900):

Смотрю — у моей кровати стоит книга. Сухая, тощая, на тонких длинных ножках, она качает одобрительно маленькой головкой и тихим шелестом страниц говорит мне:

— Рассуждай правильно...

Лицо у нее какое-то длинное, свирепо-тоскливое, и глаза мучительно ярко сверкают и сверлят мне душу <...>

³¹ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 8. С. 268–270.

³² *Короленко В.Г.* Собр. соч. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 7. С. 362.

— Люди страдают, чего-то хотят, к чему-то стремятся, а ты служишь... Чему ты служишь? Для чего? Какой смысл в этой службе? И сам ты не находишь в ней удовольствия, и другим ничего не дает она... Зачем ты живешь?..

Эти вопросы кусали меня, грызли, я не мог спать. А человек должен спать, сударь мой!

Со страниц книги смотрели на меня лица ее героев и спрашивали:

— Зачем живешь? <...>

Чем это кончилось? Очень просто-с. Я, знаете, поутру встал с постели злой, как черт, взял эту книгу и отнес ее к переплетчику.

А он мне ее пе-ре-пле-л! Переплет крепкий, тяжелый. Она стоит на нижней полке моего книжного шкафа, и, когда мне весело, я, тихонько дотронувшись до нее носком сапога, спрашиваю ее:

— Что, взяла, а?³³

Литература

1. *Алферов А.* Грибоедов и его пьеса. Изд. 2-е. М.: Сотрудник школ, 1910. 47 с.
2. *Багно В.Е.* Дорогами «Дон Кихота». М.: Книга, 1988. 450 с.
3. *Варнеке Б.В.* К вопросу об источниках Островского // Русский филологический вестник. 1913. № 1. С. 153–180.
4. *Кашин Н.П.* Этюды об Островском. М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 351 с.
5. Лицо и гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / сост. М. Филлин. М.: Русский мир, 2001. 320 с.
6. *Порудоминский В.И.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с. («Жизнь замечательных людей»)
7. *Проскурина В.Ю.* Диалоги с Чацким // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. М.: Книга, 1989. С. 55–84.
8. *Строганова Е.Н.* «Миниатюрный мир» русской провинции в русской прозе 1830-х – начале 1840-х гг. // Русская провинция: миф — текст — реальность. М.; СПб.: Тема, 2000. С. 196–205.

³³ *Горький М.* Собр. соч. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 4. С. 420–421.

Research Article

“Restless Man” in Russian Literature

© 2021. Sergey A. Fomichev

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of the type of characters in Russian classical literature, for which the author proposes the definition of “restless person” (by analogy with “superfluous” and “little man”). According to the observations of the author, “the nickname of a restless person” was first formally applied to the hero of one of the stories by V.I. Dahl (1842). A similar type (the type of Don Quixote), clearly manifested in the image of Chatsky from “Woe from Wit” by A.S. Griboyedov, became quite common in prose and drama of the 19th century. The article examines characteristic features of this type of literary characters in the heroes of A.N. Ostrovsky, N.S. Leskov and others, analyzes the perception of this type in Russian criticism, reflection by its writers, I.S. Turgenev, F.M. Dostoevsky, Maxim Gorky.

Keywords: “restless man”, 19th-century Russian literature, literary types, Chatsky, Don Quixote, V. Dal, “Woe from Wit”.

Information about the author: Sergey A. Fomichev — DSc in Philology, Director of Research, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9299-5612>. E-mail: safomichev@mail.ru

For citation: Fomichev, S.A. “‘Restless Man’ in Russian Literature.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 246–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-246-260>

References

1. Alferov, A. *Griboedov i ego p'esa [Griboedov and his Play]*. 2nd ed. Moscow, Sotrudnik shkol Publ., 1910. 47 p. (In Russ.)
2. Bagno, V.E. *Dorogami “Don Kikhota” [By the Roads of “Don Quixote”]*. Moscow, Kniga Publ., 1988. 450 p. (In Russ.)
3. Varneke, B.V. “K voprosu ob istochnikakh Ostrovskogo” [“To the Question of Ostrovsky’s Sources”]. *Russkii filologicheskii vestnik*, no. 1, 1913, pp. 153–180. (In Russ.)
4. Kashin, N.P. *Etiudy ob Ostrovskom [Sketches about Ostrovsky]*. Moscow, I.N. Kushnerev i K^o Publ., 1912. 351 p. (In Russ.)

5. *Litso i genii. Zarubezhnaia Rossiia i Griboedov* [*Face and Genius. Russian Émigré Writers and Griboedov*], comp. M. Filin. Moscow, Russkii mir Publ., 2001. 320 p. (In Russ.)
6. Porudominskii, V.I. *Dal' [Dahl]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1971. 384 p. (In Russ.)
7. Proskurina, V.Iu. "Dialogi s Chatskim" ["Dialogues with Chatsky"]. *'Stolet'ia ne sotrut...': Russkie klassiki i ikh chitateli* [*Russian Classics and their Readers*]. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 55–84. (In Russ.)
8. Stroganova, E.N. "“Miniatiurnyi mir” russkoi provintsii v russkoi proze 1830-kh – nachale 1840-kh gg." ["“Miniature World” of the Russian Province in Russian Prose of the 1830s – early 1840s]. *Rusaskaia provintsiiia: mif — tekst — real'nost'* [*Russian Province: Myth — Text — Reality*]. Moscow, St. Petersburg, Tema Publ., 2000, pp. 196–205. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 29.05.2021
Одобрена после рецензирования: 15.07.2021
Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 29.05.2021
Approved after reviewing: 15.07.2021
Date of publication: 25.09.2021